

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

Д.М. Насилов

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
К ПРОЧТЕНИЮ ЕНИСЕЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В настоящее время насчитывается уже более восьмидесяти памятников письменности, написанных орхоно-енисейским алфавитом, которые обнаружены в разное время в основном в бассейне р. Енисей¹. За этими древнетюркскими эпиграфическими текстами – по содержанию преимущественно эпитафиями – в русской и советской тюркологии закрепилось название "енисейские памятники древнетюркской письменности"². Первый интерпретатор этих памятников, В.В. Радлов (1837–1918), внес неоценимый вклад в дело их изучения³. С тех пор в течение почти трех четвертей века чтение и перевод этих памятников уточнялись, исправлялись, дополнялись, толковались многими учеными на основе вновь открываемых и вводимых в научный оборот енисейских памятников и других древнетюркских текстов.

В 40-е годы нашего века турецкий тюрколог Х.Н. Оркун переиздал, собрав воедино, почти все известные тогда древнетюркские памятники рунической письменности, в том числе и большинство енисейских⁴. В 1952 г. выходит в свет известная работа С.Е. Малова "Енисейская письменность тюрков", в которой публикуется 50 енисейских памятников⁵. В этой работе представлены уточненное чтение и перевод некоторых мест прежде изданных памятников и публикация нескольких ранее неизвестных надписей. Ряд текстов из Тувы был переиздан, опять-таки с последующими исправлениями, в сборниках "Памятники древнетюркской письменности Тувы"⁶.

И.А. Батманов указывал, что цель этого издания памятников — «внести некоторые уточнения в чтение и перевод их, дать изображения надписей, предоставить в распоряжение исследователей материал для дальнейшего изучения языка памятников и последующих обобщений»⁷.

К сожалению, последняя цель настоящим изданием полностью не могла быть достигнута, так как неудовлетворительное полиграфическое воспроизведение фотографий памятников не позволяет воспользоваться ими для проверки прилагаемых прорисей. Однако сами прорисы надписей представляют несомненную научную ценность, поскольку они выполнены непосредственно с памятников и в известной степени более достоверны, чем копии надписей, которыми располагали тюркологи ранее. Следует отметить, что многие ученые, и в первую очередь В.В. Радлов, В. Томсен, Х.Н. Оркун и даже С.Е. Малов, пользовались эстампажами и снимками, которые были в основном сняты с надписей еще до расшифровки орхоно-енисейского письма. Последнее обстоятельство особенно отрицательно сказалось на ретушировании эстампажей, когда случайные сколы или трещины на камне воспринимались как продолжение черт отдельных рунических знаков⁸. Эти «ретушированные» тексты и брались преимущественно за основу при прочтении памятников, а также воспроизводились при их публикации, поэтому ошибки в идентификации знаков копировались по изданиям и продолжают сохраняться иногда и при новых переизданиях надписей⁹.

Между тем, несмотря на неоднократные переиздания памятников и попытки уточнения переводов, в текстах енисейских памятников остается много неясного: неразобранные места, пока не поддающиеся расшифровке комплексы рунических знаков и еще необъясненные «нарушения» правил тюрк-

ской грамматики и т.п. Достаточно посмотреть памятник из Уюк-тарлака, памятники с Улуг-кема, с Элегеста, Алтын-келя, из Кызыл-чира, Абаканский памятник в упоминавшейся работе С.Е. Малова (№ 2, 9, 10, 12, 28, 42, 43, 48)¹⁰, чтобы увидеть, сколько непрочитанных лакун содержится в них. Правда, нельзя все это объяснить только ошибочным чтением букв. Известны ясно вырезанные знаки, которые тем не менее кажутся бессмысленным набором букв. Характерно, что такие "наборы" букв появляются обычно в конце строки. В качестве примера можно привести надпись на памятнике из Минусинского музея, опубликованную впервые С.Е. Маловым (№ 42)¹¹. Здесь в конце первой строки на первой стороне, в конце третьей и четвертой строк на второй стороне, в пятой и седьмой строках комплексы букв, соответственно: "и¹ ар² сгүр... б л тит... јндмакт... Ірд...", оставлены без расшифровки и перевода. Попытка прочтения их Х.Н. Оркуном не была успешной, и эти места он дает все же без перевода¹². Проверка указанной надписи *de visu* по памятнику показала, что, за небольшим исключением (см. ниже), знаки в издании текста переданы правильно. Тогда этому явлению может быть несколько объяснений. Самым простым представляется случай, когда резчик надписи, начиная ее высекать, неправильно рассчитал на камне соотношение между знаками в ней, и, поскольку к концу строки уже не оставалось места на камне, он вырубал из оставшихся слов только их части или даже отдельные знаки, возможно, с его точки зрения, представляющиеся опорными (ср. принцип составления аббревиатуры в современном языке). Когда текст надписи был окружающим известен, такие сокращения не воспринимались как сильные отклонения от нормы. Можно даже допустить, что некоторые из таких сокращений были традиционными, — своеобразное письмо под тит-

лами, но для проверки этого следует сопоставить друг с другом все непрочитанные места. С другой стороны, в ряде надписей видно, как резчик, стремясь уместить надпись на стеле, или сжимал, уменьшал буквы (№ 7, 25), или менял прямое направление строки (№ 7, 11, 31), или выходил за пределы грани и поворачивал строку вокруг камня (№ 3, 41), или помещал строку между других строк (№ 25, 51). Поэтому весьма справедливыми представляются слова С.Е.Малова, когда он указывал, что трудные места в надписях "можно объяснить нашим плохим знанием, или, лучше сказать, незнанием древнего тюркского языка юга Сибири"¹³.

Подтверждением этого является, например, установление чтения комплекса букв. **𐰆𐰏𐰏𐰣** не как «egitabi» "дорогие попоны" или "войлок под седлом" и т.п.¹⁴, а как словосочетания «egri tebi (~tebä)» "дромадер"¹⁵. Недавно Т.Текин предложил рассматривать часто встречающиеся в енисейских памятниках группы **𐰆𐰏 ~ 𐰆𐰏, 𐰆𐰏𐰏 ~ 𐰆𐰏𐰏, 𐰆𐰏𐰏𐰏 ~ 𐰆𐰏𐰏𐰏, 𐰆𐰏𐰏𐰏𐰏 ~ 𐰆𐰏𐰏𐰏𐰏** в качестве междометий, выражающих горе и сожаление: «esiz!, esiz-ä!, esizim!, esizim-ä!» "о горе!, горе! что за горе!"¹⁶. Обычно упомянутые знаки читались как различные грамматические формы личного местоимения «siz» "вы": «siz, sizä, sizim, sizimä»¹⁷. Доводы, приводимые автором в обоснование своего чтения, представляются убедительными: становится объяснимой и все же необычная для тюркских языков грамматическая форма слова, и его своеобразные позиции в предложении.

Можно было бы привести и другие примеры удачного прочтения и объяснения "темных" мест в письменных памятниках енисейских тюрок¹⁸. Однако и без того ясно, что работа тюркологов над этими текстами еще далеко не закончена. Успехам же в данной области мешает, как указывалось выше,

отсутствие полноценных и достоверных воспроизведений текстов надписей. Поэтому новое издание выверенных текстов, создание корпуса енисейских рунических надписей – насущная потребность тюркологической науки.

Пока же представляется целесообразным продолжать работу по выявлению неточностей и исправлению текстов этих памятников. Ниже предлагаются поправки к чтению и варианты переводов отдельных мест из других четырех енисейских памятников, обследованных автором летом 1962 г. в музее им. Н.М. Мартыанова в г. Минусинске¹⁹. При сличении текстов в издании С.Е. Малова с выбитыми на камнях выявились разночтения, позволяющие дополнить транскрипцию и переводы этих текстов. Были также изготовлены новые прориси (фотографирование стел из-за неудачного размещения последних в павильоне и залах музея требует специальной техники), которые сверялись с неретушированными эстампажами в финском и радловском атласах, а также с другими изданиями памятников.

1. Первый памятник с Чакуля (Чаа-Холь) (инв. № музея 33, по изданию С.Е. Малова № 13).

В конце первой строки передней стороны вместо «sekiz uŕim adĩĩldĩm» следует читать: «sekiz uŕim adĩĩldĩm» «я отделился (~разлучился) от восьми своих сыновей».

Начало второй строки сохранилось плохо. Перед словом «elimkä» хорошо видно «qadāš» «родственник; брат». В самом ее начале просматриваются . Если первый комплекс читать как «aŕum» «мой старший родственник», а второй как «üč» (?) с плохо сохранившейся первой руной, то текст следующий: «aŕum üč(?) qadaš elimkä tapdĩm» «я служил своему старшему родственнику (своим старшим род-

ственикам) (?), трем (?) своим братьям (младшим родственникам), племенному союзу (элю)...".

Третью строку на задней стороне после слова «bodunim» следует дополнить **УЧИ** «esizim» "о горе!". Собственное имя хана в ней **БЕУГА ГЛЕГЛ** «bilgä čigši», как правильно дано у И.А. Батманова²⁰.

В четвертой строке после слова «tapdim» следует **УУХ ГУУК** «tängi elim», и все предложение будет: «tängi elim edgü qadašim adīrildim» "я отделился от божественного своего племенного союза, от своих хороших родственников".

Указанные исправления можно проверить по снимкам с неретушированных эстампажей в "Атласе древностей Монголии"²¹.

II. Первый памятник с оз. Алтын-кель (инв. № 27, по изданию С.Е. Малова № 28, по изданию О.В. Субраковой, И.А. Батманова, стр. 24-29).

Первая строка передней стороны читается "«jerdäki bars tegmä erdämligimä bökmä». Спорное слово «bars» ясно выписано **УИД** и в том же написании повторяется на этой стороне во второй строке и в третьей на правой стороне. С.Е. Малов вслед за В.В. Радловым дополняет глагол «böк» до формы «bökmä», хотя лучше здесь видеть либо однородное сказуемое к отрицательным формам прошедшего времени 2-го лица, которые отмечены в третьей строке (первая строка, очевидно, является продолжением третьей), либо употребительную в этом памятнике повелительную форму второго лица (ср. шестую строку на правой стороне). Возможный перевод: "ты не наслаждайся (~ не насладился) моей доблестью, именуемой (~а именно) земной (~находящийся на земле) барс".

В третьей строке предлагаются следующие уточнения: вместо «umaj beg biz» читать: **УУЕА: ДУУ** umaj begimiz;

вместо «özlük at özin üč erig almadın» нужно **ЧЗЖУГН ЛН:**
МЧН АЗУЧН «özlük at özin öč qılmadiñ». В послед-
 нем случае наблюдается параллельная конструкция «alp er özin
 altı qılmadiñ özlük at özin öč qılmadiñ» "ты не делал низким
 (принижал) мужа, ты не делал злой (не приводил в
 ярость) скаковую лошадь". Выражение «altı qıl-» "делать
 низким, принижать; использовать как слугу", ср. желт.-уйг.:
 "алты" "под, низ", "алтының к сеге қара деп-тро!" "он ска-
 зал прислуге (низшим): смотри!"²². Написание **ГкЈ** «altı c t²»
 можно объяснить палатализирующим влиянием соседнего «i < i»²³.
 В этом памятнике данная графическая особенность отмечена
 также в слове **ЖкГД** «jitu» **ЖкД** «jita» (строки 2, 3, 5,
 6, 8). Глагол «öč qıl-» "мстить, злить" отмечен в "Кутадгу
 билиг"²⁴.

Несмотря на некоторые уточнения первоначального про-
 чтения, во всех строках этой стороны памятника остаются не-
 ясные места, которые требуют дальнейшей работы на основе
 толкований С.Е.Малова и Х.Н.Оркуна²⁵.

III. Памятник Минусинского музея (инв. № 38, по изда-
 нию С.Е.Малова № 42).

Надпись сохранилась плохо, особенно на второй и тре-
 тьей сторонах. Начало первой строки **ЖУЧН** «esiz jerim»
 "моя зло/получная/ земля". Конец этой строки, несмотря на
 усилия С.Е.Малова и Х.Н.Оркуна, остается нерасшифрованным.
 Во второй строке на месте читаемого «qatlan» "мужайся, терпи"
 видны руны **ЖАНГН**, которые трудно интерпретировать.
 Последнее прочтение текста Т.Текином также не внесло яс-
 ности, так как он опускает спорные места²⁶.

IV. Третий памятник из Тувы (инв. № 36, 36а, по изда-
 нию С.Е.Малова № 51).

В этой хорошо сохранившейся надписи, которая также переиздана в сб. "Памятники древнетюркской письменности Тувы"²⁷, исправления касаются первой строки. Ее начало следует дополнить и читать **᠑ ᠤ᠎ᠠ Вᠤᠰᠢ ᠠᠲᠢ** «er atim elük tirig» "мое мужское (геройское) имя Элюк Тириг". Слово «elük» имеет значение "шутка, насмешка" (ДТС, 171), а «tirig» "живой" часто выступает как второй компонент имен собственных (ДТС, 582). Поскольку первая строка не уместилась, резчик ее продолжение меньшими по размеру рунами поместил над второй строкой. Вместо комплекса букв "ми... д" у С.Е. Малова и "...аап д" у И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа в конце данной строки читается: **ᠰᠢᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠲᠢ** «ešim adılma» "не отделяйся (?) от моего старшего родственника". Полный текст строки следующий: «er atim elük tirig ben esizim-ä qadašima esiz oγulanıma ešim adılma» "мое мужское имя Элюк Тириг, я, что за горе!, от своих родственников, о горе!, от своего сына (своих сыновей), от своего старшего родственника (своих старших родственников) не отделяй/ся/(?)". Слово **ᠰᠢᠠᠨᠠᠨᠠᠨ** было воспроизведено в прориси, данной С.В. Киселевым еще при первом издании памятника²⁸. В различных енисейских текстах оно имеет такие графические варианты: **[ᠰᠢᠠᠨᠠᠨᠠᠨ]** (№№ 6, 17, 23), **[ᠰᠢᠠᠨᠠᠨᠠᠨ]** (№№ 16, 18, 28, 32), **[ᠰᠢᠠᠨᠠᠨᠠᠨ]** (№ 42_д), из которых примечателен последний наличием специального знака **ᠰᠢ** 'ci', но в первой строке он не употреблен.

Примечания

¹ См.: Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, - СА, 1960, 3, стр. 93-120; его же, О датировке памятников енисейской письменности, - СА, 1965, 3, стр. 38-49; Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. XXI]-

XXVII; А. М. Щербак, Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения, - "Тюркологический сборник. 1970", М., 1970, стр. 111-134.

² См.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.-Л., 1951, стр. 11-12; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, Фрунзе, 1962, стр. 14-30.

³ W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lfg, St.-Pbg., 1895; то же, Neue Folge, St.-Pbg., 1897; то же Zweite Folge, St.-Pbg., 1899.

⁴ H. N. Orkun, Eski türk yazitları, I-IV, İstanbul, 1936-1941; см. рецензию С. Е. Малова на эту работу, - ВДИ, 1948, 2, стр. 123-124.

⁵ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М.-Л., 1952.

⁶ И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа, Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. 1-III, Кызыл, 1963-1965; см. также: Древние письмена Хакасии. Составители: О. В. Субракова, И. А. Батманов, вып., 1, Абакан, 1970.

⁷ И. А. Батманов, А. Ч. Кунаа, Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. 1, Кызыл, 1963, стр. 3.

⁸ См.: Inscriptions de l'Jénisséi, recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie, Helsingfors, 1889; Atlas der Alterthümer der Mongolei, Arbeiten der Orchon-Expedition, hrsg. von W. Radloff, I-IV, Lfg., St.-Pbg., 1892-1899.

⁹ Ср.: И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 155, 161.

¹⁰ Здесь и далее названия и номера памятников, а также

нумерация строк в их текстах даются по изданию: С.Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*.

¹¹ С.Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 75-78. Согласно разысканиям Л.Р. Кызласова, это первый Бай-Булунский памятник - см.: Л.Р. Кызласов, *О датировке памятников енисейской письменности*, стр. 47.

¹² H. N. Orkun, *Eski türk yazıtları*, III, стр. 96-98.

¹³ С.Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 8.

¹⁴ См.: С.Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, стр. 363; его же, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 84.

¹⁵ *Древнетюркский словарь*, стр. 166; Т. Tekin, *A Grammar of Orkhon Turkic*, Bloomington, 1968 (Uralic and Altaic Series, vol. 69), стр. 377; А.М. Щербак, *Памятники рунического письма енисейских тюрков*, - НАА, 1964, 4, стр. 147-148.

¹⁶ Т. Tekin, *On a Misinterpreted word in the Old Turkic Inscriptions*, - UAJ, 1964, 35, В, стр. 134-144.

¹⁷ Ср.: С.Е. Малов, *Енисейская письменность тюрков*, стр. 13; И.А. Батманов, *Язык енисейских памятников древнетюркской письменности*, стр. 72; A. v. Gabain, *Das Alttürkische*, - PhTF, 1, стр. 33-34.

¹⁸ Ср.: А.М. Щербак, *Памятники рунического письма енисейских тюрков*, стр. 141-148; его же, *L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva)*, - UAJ, 1964, 35, В, стр. 145-149; Ч. Джумагулов, *Второй таласский памятник*, - в сб.: "Новые эпиграфические находки в Киргизии (1961)", Фрунзе, 1962, стр. 23-27; И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа, *Памятники*, вып. I-III; L. Bazin, *L'inscription d'Uyug-Tarliq (Jénisséi)*, - "Acta Orientalia", 22, Copenhagen, 1955, стр. 1-7, и др. работы.

¹⁹ Ср.: Д.М. Насилов, *О некоторых памятниках Минусинского музея*, - НАА, 1963, 6, стр. 124-129.

- 20 И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа, Памятники, вып. I-I, 1963, стр. 29-30.
- 21 Atlas der Alterthümer der Mongolei..., III. Lfg., St.-Pbg., 1896, табл. LXXXVI, фиг. 1, 3.
- 22 С.Е. Малов, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алма-Ата, 1957, стр. 14; также: И.В. Стеблева. Древнетюркская Книга гаданий как произведение поэзии, - в кн.: "История, культура, языки народов Востока", М., 1970, стр. 169.
- 23 См.: Т. Tekin, A Grammar of Orkhon Turkic, стр. 58-59, 71.
- 24 Древнетюркский словарь, стр. 376.
- 25 См.: Н. N. Orkun, Eski turk yazitlari, III, стр. 102-103.
- 26 Т. Tekin, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions, стр. 136, 137, 140, 142; ср.: И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа, Памятники, вып. III, стр. 27-29.
- 27 И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа, Памятники, вып. III, стр. 23-24.
- 28 С.В. Киселев, Неизданные надписи енисейских кыргизов, - ВДИ, 1939, 3 (8), стр. 134.

Рис. 34. К статье Д.М.Насилова. Прорись надписи на передней стороне Первого памятника с Чакуля.

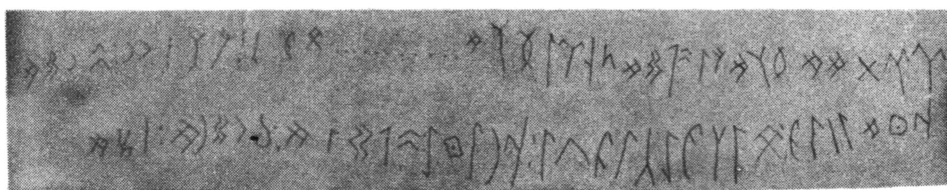

Рис. 35. К статье Д.М.Насилова. Прорись надписи на задней стороне Первого памятника с Чакуля.

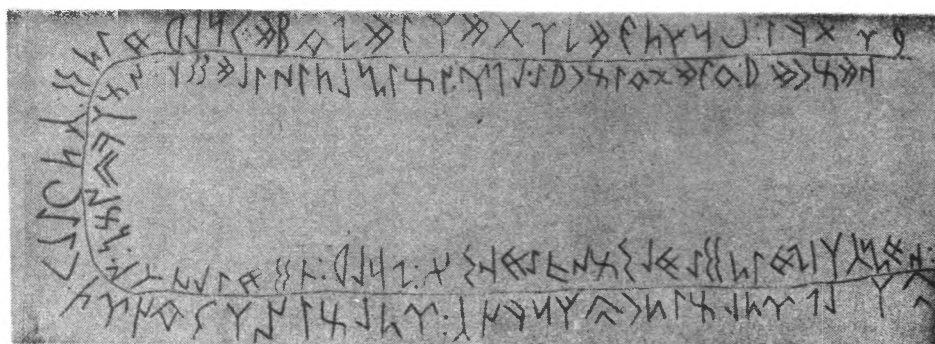

Рис. 36. К статье Д.М.Насилова. Прорись надписи на передней стороне Первого памятника с Алтын-Кёля.

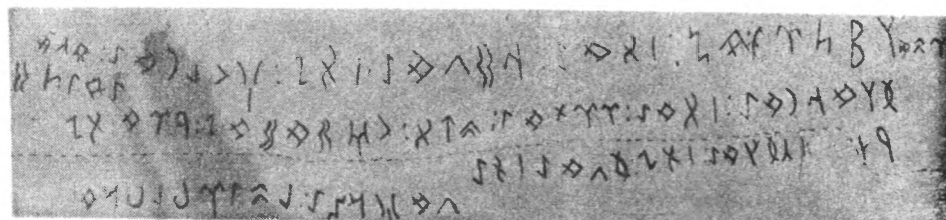

Рис. 37. К статье Д.М.Насилова. прорись надписи на третьем памятнике из Тувы.